

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-32-41
УДК 94(47)

Дата поступления статьи: 11/VIII/2019
Дата принятия статьи: 22/IX/2019

А.А. Серых

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО 1917 Г. ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА. ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА М.М. БОГОСЛОВСКОГО

© *Серых Анна Александровна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Самарский государственный технический университет, Российская Федерация, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

E-mail: serykha@mail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-5435-7185>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена раскрытию основных социокультурных типажей, сформулированных в дневниковых записях профессора Московского императорского университета М.М. Богословского. Определены специфические черты каждой из социальных групп, выделяемых историком. По мнению М.М. Богословского, основу российского общества в 1917 г. составляет «русский народ», включающий в себя три социальные категории: крестьяне, рабочие и солдаты. В статье прослеживается связь между обобщенным понятием «русский народ» и профессиональными взглядами М.М. Богословского.

Следующим важным для историка социокультурным образом является интеллигенция, отношение к которой у М.М. Богословского неоднозначное по причине ее разобщенности. В ситуации социокультурного кризиса 1917 г. особое место занимает новая социальная группа – революционеры. В статье раскрыто отношение М.М. Богословского к этой социальной группе, а также рассмотрены профессиональные взгляды историка на понятие «революция». Венцом социальной структуры общества, по мнению М.М. Богословского, является монархия. Российская монархия в начале XX в. оставалась очень специфичной, историк с сожалением отмечал незавершенность социокультурных преобразований, которые, по его мнению, должны были произойти в обществе под руководством монарха.

Через анализ дневниковых записей была сделана попытка выявить и проанализировать единую социокультурную модель российского общества, сформулированную М.М. Богословским.

Ключевые слова: М.М. Богословский, революция, социальная структура, рабочие, крестьяне, партии, монархия, интеллигенция, революционер.

Цитирование. Серых А.А. Российское общество 1917 г. глазами историка. По материалам дневника М.М. Богословского // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 32–41. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-32-41>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**RUSSIAN SOCIETY IN 1917 THROUGH THE EYES OF THE HISTORIAN.
BY THE MATERIALS OF M.M. BOGOSLOVSKY'S DIARY**

© Serykh Anna Alexandrovna – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.
E-mail: serykha@mail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5435-7185>

ABSTRACT

This article is devoted to the opening of the main social-cultural types which were formulated in the diaries' notes of professor M. M. Bogoslovsky from Moscow Imperial University. The specific characters of each of the social group which were marked out by the historian are defined in this item. In Bogoslovsky opinion, the base of the Russian society in 1917 is «Russian nation», which is divided into three social categories: peasants, workers and soldiers. The link between the generalized notion «Russian nation» and Bogoslovsky's professional views is revealed.

The next important social – cultural image for the historian is intelligentsia and Bogoslovsky's attitude to it is controversial because of its disunity. In the situation of the social – cultural crisis in 1917 a new social group – revolutionaries – takes a special place. In this article Bogoslovsky's attitude to this social group is revealed as well as his professional view on the concept “revolution”. The wreath of the social structure of the society in Bogoslovsky's opinion is monarchy. At the beginning of the 20th century Russian monarchy has remained very specific, the historian remarked regretfully the incompleteness of social cultural conversions, which, to his mind, must have taken place in the society under the rule of the monarch.

Through the analysis of the diaries' notes there was made an attempt to identify and analyze the unified social – cultural model of Russian society, formulated by Bogoslovsky.

Key words: M.M. Bogoslovsky, revolution, social structure, workers, peasants, parties, monarchy, intelligentsia, revolutionary.

Citation. Serykh A.A. *Rossiiskoe obshchestvo 1917 g. glazami istorika. Po materialam dnevnika M.M. Bogoslovskogo* [Russian society in 1917 through the eyes of the historian. By the materials of M.M. Bogoslovsky's diary]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 32–41. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-32-41> [in Russian].

Введение

Научное сообщество российских историков начала XX века, являясь частью общества, принимало участие в социокультурных трансформациях. При этом эта профессиональная группа имела специфические профессиональные навыки, которые позволяли им видеть происходящие события в контексте отечественной и мировой истории. Историки невольно стали свидетелями социокультурного слома, который проник во все сферы жизни и деятельности социума. Кризис проявился также и в трансформации социокультурной модели общества.

С точки зрения изучения социальной структуры российского общества первой четверти XX в. дневники М.М. Богословского представляют собой интересный источник, поскольку Михаил Михайлович вел достаточно подробные дневниковые записи в один из самых сложных периодов российской истории – в 1917 году. Существуют также и более ранние записи 1913 и 1915 гг., однако именно записи 1917 г. оказываются наиболее информативными с точки зрения образа и детализации социокультурной структуры общества. Возможно, это связано с кризисностью самого момен-

та, отсюда и формирование более ярких и красноречивых образов.

Рассматривая дневники как источник по социальной истории, мы принимаем во внимание его субъективизм и профессионализм автора. М.М. Богословский подошел к 1917 г. состоявшимся, успешным историком. В марте 1917 г. ему исполнилось 50 лет, это своего рода рубежный возраст, о чем сам историк писал в дневнике: «Здравствуй – Старость!» [Богословский 2011, с. 328].

К 1917 г. М.М. Богословский был профессором Московского императорского университета и Московской духовной академии, на 1910-е гг. приходится зенит профессиональной карьеры М.М. Богословского. К этому моменту времени у М.М. Богословского сложились мировоззренческие и профессиональные взгляды на окружающий его социокультурный контекст. Поэтому дневниковые записи тем и интересны, что их делал профессиональный историк, который вписывал окружающие его социокультурные и политические процессы в контекст мировой истории.

Биография и научная деятельность М.М. Богословского долгое время оставалась вне исследовательского поля историков. Первым, кто стал пред-

метно изучать наследие историка, стал Л.В. Черепнин в 1974 г. Для раскрытия темы Л.В. Черепнин использовал архивные материалы и отрывки из дневниковых записей [Черепнин 1974, с. 223–271]. Позже к эпистолярному наследию М.М. Богословского обратилась Л.А. Черная, подготовив вступительную статью к книге избранных сочинений историка [Богословский 1987, с. 3–12]. Педагогическая деятельность М.М. Богословского была впервые раскрыта в работах Т.И. Халиной [Халина 1996, с. 658–685; Халина 2001, с. 426–433]. В настоящее время одним из основных исследователей биографии и профессиональной деятельности М.М. Богословского является А.В. Мельников. Исследователь составил список печатных трудов М.М. Богословского [Список печатных трудов М.М. Богословского 2000, с. 320–335], а также выявил цензурную правку при издании в 1940–1948 гг. биографии Петра I, составленной историком. Предметом изучения для А.В. Мельникова стали научные труды, рецензии историка, эпистолярное наследие, а также воспоминания о нем коллег и близких людей [Мельников 2001, с. 280–300; Мельников 2004, с. 119–134; Мельников 2005, с. 432–477]. К исследованию дневниковых записей М.М. Богословского обратились Е.В. Неберекутина, Т.В. Сафронова [Неберекутина, Сафронова 2001, с. 271–279; Неберекутина, Сафронова 2009, с. 91–111] и А.Е. Иванов [Иванов 2012, с. 109–111]. Несколько статей С.О. Шмидта включают в себя обширный спектр вопросов, касающихся не только биографии и творчества М.М. Богословского, но и социокультурного контекста первой четверти XX века [Шмидт 2005, С. 414–431; Шмидт 2011 а, с. 69–74; Шмидт 2011 б, с. 5–52]. С.О. Шмидт выявил основные тематические блоки дневниковых записей и сформулировал мысль о необходимости дальнейшего анализа этого исторического источника, так как он остается актуальным не только для изучения биографии самого М.М. Богословского, но и для исследования научного сообщества в целом. К вопросам отражений революционной повседневности на страницах дневника М.М. Богословского обращаются также П.С. Кабытов и Е.П. Барина [Кабытов, Барина 2018, с. 1217–1230; Кабытов, Барина 2018, Оренбург, с. 32–35; Кабытов, Барина 2019, с. 269–275]. Историки провели анализ дневниковых записей М.М. Богословского и выявили отдельные моменты, характеризующие самоанализ М.М. Богословского в период его работы над биографией Петра I.

Наша задача заключается в раскрытии образов основных социокультурных типажей, выделенных автором на страницах дневника, определении их места в общей социокультурной модели общества. Мы попытаемся раскрыть взаимосвязь между выделяемыми социальными типажам и профессиональными знаниями автора.

При определении методологической основы работы мы посчитали возможным использовать модель, сформулированную Ю. Слезкиным в

его новой работе «Дом Правительства» [Слезкин 2019], и представить структуру российского общества 1917 г., нашедшую отражение в дневниковых записях М.М. Богословского в образе дома с несколькими этажами. Каждый из этажей – это отдельная социальная группа, занимающая определенное положение в общей социокультурной системе.

«Русский народ» как основа социокультурной модели общества

В политическом спектре 1917 г. М.М. Богословскому по убеждениям были ближе всего монархисты и консерваторы. Отметим некоторую нетипичность подобной позиции. В 1905 г. начала свою политическую деятельность либеральная партия кадетов, которую создали и в которую впоследствии входили видные представители отечественного исторического сообщества П.Н. Милуков, А.А. Кизеветтер и другие ученые. М.М. Богословский, будучи практически ровесником П.Н. Милукова и А.А. Кизеветтера (П.Н. Милуков был старше М.М. Богословского на 8 лет, а А.А. Кизеветтер – на год) и являясь представителем той же исторической школы Московского университета, не поддерживал либеральные политические настроения, более того, был крайне резок в оценке политической деятельности своих коллег. Размышляя о статье А.А. Кизеветтера в «Русских ведомостях» [Кизеветтер 1917, с. 5–6] по поводу возвращения А.Э. Вормса на юридический факультет Московского университета в качестве приват-доцента, М.М. Богословский записал: «Интересно, кто это выбрал Кизеветтера в цензоры нравов? Вот он, кадетский деспотизм: не смеешь ничего предпринять индивидуально без благословения кадетского коллектива. Вот она, партия народной свободы!» [Богословский 2011, с. 295].

Основываясь на дневниковых записях, мы можем предполагать, что государство видится М.М. Богословскому в образе тюрьмы или казармы, которая потеряла своего главу и превратилась в трактир. Государство, по мнению историка, есть необходимое зло, и при этом оно является связующим элементом, выстраивающим всю структуру общественных отношений: «Государство мне всегда не казалось привлекательным учреждением, всегда я видел в нем необходимое зло; в моем представлении оно неразрывно соединялось с казармой и тюрьмой. Теперь тюрьма раскрыта, казарма пустует или буйствует, и государство обратилось в какой-то грязный трактир II-го разряда без крепких напитков. Было бы ужасно, если б было с крепкими напитками» [Богословский 2011, с. 358].

На страницах дневника М.М. Богословский выделяет несколько социальных групп, которые присутствуют в этой казарме, превратившейся в трактир. К особо популярным социальным категориям, которые в 1917 г. активно участвуют в различных революционных событиях и процессах, относятся: крестьяне, рабочие, армия, интеллигенция, ре-

волюционеры и представители династии. Мы попытаемся разместить эти социальные группы на разных «этажах» казармы-трактира и таким образом сформулировать общую социокультурную модель общества, созданную М.М. Богословским.

До 1917 г. социокультурная модель общества выглядела следующим образом: ее основу составлял «русский народ», включающий в себя крестьян, рабочих и солдат, на втором «этаже» располагалась интеллигенция, буржуазия и крупное дворянство, и увенчивалась вся структура монархом. М.М. Богословский выделяет важную, на наш взгляд, черту, характеризующую народ, – это его инертность и консервативность, а отсюда большая связь с прошлым, чем у представителей других социальных групп. Историк несколько раз сравнивает современных представителей крестьянства с историческими образами: «В Замоскворечье древнемосковского духа сохранилось больше, чем в других местах. В толпе, к которой я присматривался, много типов – из мелкого торгового люда, которые не ушли еще из XVII века и, если бы их переодеть в платье того времени, совершенно могли бы вдвинуться в толпу XVII столетия» [Богословский 2011, с. 127]. Чуть позже историк описывает двух женщин, пытавшихся продать ему какие-то продукты, при описании их образа историк вновь возвращается к историческому контексту: «...пришли две бабы продавать масло и кур, торговались битых два часа <...> поднимая при этом необычайный крик. Вот они “бабы-торговки”, о которых писал Петр Великий, предписывая сенаторам вести себя пристойно, не подражая им» [Богословский 2011, с. 225].

В приведенных цитатах для нас важными оказываются два момента. Во-первых, идеальными для М.М. Богословского являются представления о русском народе из допетровской истории России. Это связано, скорее всего, с профессиональными интересами историка. На протяжении 1916 г. и в 1917 г. он собирает и затем начинает писать биографию Петра I. Эта тема становится для М.М. Богословского ключевой, поэтому при описании событий или образов настоящего историк постоянно сравнивает их с образами отечественной истории конца XVI – начала XVIII веков. Во-вторых, важными оказываются те позитивная оценка и эмпатия, которые М.М. Богословский высказывает по отношению к «историческому русскому народу». И реплика о «бабах-торговках», и размышления о сохранении «древнемосковского духа» говорят о позитивной оценке М.М. Богословским первоисточников народных образов. Еще одна реплика историка подтверждает, на наш взгляд, эту мысль, но одновременно иллюстрирует и разочарованность М.М. Богословского народом. 3 июля 1916 г. историк записал: «Душа русская – драгоценность, но оправа у нее дрянь» [Богословский 2011, с. 211].

При этом М.М. Богословский, анализируя историческое развитие государства и изменения, которые происходили с русским народом, приходит к

выводу о том, что «темный народ» неподготовлен к революции. 2 августа 1917 г. историк под впечатлением от новости об отправке царской семьи в Тобольск записал: «Народ наш еще не французы XVIII в., а немцы эпохи Реформации XVI столетия, когда, переставая верить в иконы и мощи, выволакивали их из церквей и всячески надругались над ними» [Богословский 2011, с. 399]. И именно потому, что российское общество не столь развито, как народы других стран, ликвидация монархии была, по мнению М.М. Богословского, одной из очевидных и серьезных ошибок революции. В революционном контексте кризисной ситуации народ проявил себя негативно, что отмечает М.М. Богословский и что находит отражение в его оценках: «Наш солдат и мужик поняли, очевидно, что с падением царя пала всякая власть и стало возможно делать что хочешь, между прочим, и грабить» [Богословский 2011, с. 444].

Заметим, что при этом меняется и терминология автора. Если, упоминая исторические традиции и события прошлого, М.М. Богословский пишет о «русском народе» и о его «древнемосковском духе», то, освещая бытовые вопросы, описывая повседневные проблемы, он говорит о «народной массе», «публике» и «толпе», которая поет на улице «визгливыми голосами “Вставай, подымайся, рабочий народ!”» [Богословский 2011, с. 325]. Подобного рода выражения выдают негативное отношение автора к этой социальной группе в настоящий момент. Отметим, что сам термин «народ» для М.М. Богословского является обобщающим, он не раз подчеркивает это [Богословский 2011, с. 346].

В термине «народ» историк объединяет нескольких социальных групп: крестьян, рабочих и солдат. Если говорить об эмоциональном принятии этих социальных общностей, то мы можем предположить, что самые теплые чувства М.М. Богословский испытывает по отношению к крестьянам, но здесь опять проявляется профессиональные взгляды историка. Он рассматривает крестьян сквозь призму исторических процессов. Историк наделяет их самыми лучшими качествами, которые относятся к «русскому народу» в целом, и в этом аспекте эти понятия являются синонимичными. Также историк отмечает присущую крестьянам наивность. 14 июля М.М. Богословский описал встречу с типичным крестьянином: «Он стоит за “поравнение” земли, но не знает, что такое “социализация”, и думает, что это значит “правда на земле”. Вот ведь, как эти понятия преломляются в крестьянских головах, а наш собеседник зарекомендовал себя весьма неглупым и начитанным в Святом писании человеком» [Богословский 2011, с. 385].

Образ и положение рабочих в социальной структуре общества

Характеризуя положение рабочих в условиях революционной действительности, М.М. Богословский

отмечает, что пролетариат резко изменил свое положение в социальной структуре общества: «Теперь времена совершенно изменились: не рабочие кланяются господам, а господа рабочим, и кланяются, пожалуй, ниже первых» [Богословский 2011, с. 84]. История с малярами и поклонами повторяется через год и, по всей видимости, раздражает М.М. Богословского: «Им теперь, как и вообще рабочим людям, надо 20 раз поклониться» [Богословский 2011, с. 239]. Однако сами рабочие в ситуации революции не ощутили серьезного продвижения по социальной лестнице, они продолжают чувствовать себя одной из самых бесправных социальных групп. И степень своей бесправности сравнивают с положением крестьян. В августе 1917 г. М.М. Богословский, находясь на буксирном пароходе, наблюдал «ругань между фабричной работницей <...> и крестьянином о том, кто теперь больше страдает, фабричные или крестьяне» [Богословский 2011, с. 410].

Рабочие в начале XX в. были тем самым социальным слоем, который, по мнению представителей левых политических сил, и должен был совершить революцию. Но М.М. Богословский неоднократно отмечал, что рабочие в силу своей необразованности не всегда понимают конечную цель своих выступлений, поэтому отношение к ним у историка постоянно менялось от снисходительного до пренебрежительного и наоборот. После начала очередной забастовки рабочих историк констатировал: «Мало смысла в этих головах» [Богословский 2011, с. 72]. А в мае 1917 г. М.М. Богословский стал свидетелем политической агитации рабочего и еще раз сформулировал мысль о неподготовленности российских рабочих к революции: «Голова рабочего, где нет никакого твердого, прочного, начинялась обрывками поверхностных и звонких фраз. Так этот сумбур и распространяется по России!» [Богословский 2011, с. 355].

Историк не вмешивался в происходящий политический процесс, более того, его источники информации были неполными, однако на страницах дневника он считал возможным высказать свою позицию о происходящих процессах. В апреле 1917 г. после «ноты Милюкова» разразился очередной конфликт между Советами рабочих и солдатских депутатов и Временным правительством. Несмотря на то что М.М. Богословский не поддерживал либеральные политические партии и не раз негативно высказывался о партии кадетов, в сложившейся ситуации сохранение власти в руках Временного правительства казалось ему более приемлемым, нежели передача власти Советам. Историк был убежден в том, что ни рабочие, ни тем более солдаты в силу объективных причин не могут и не должны единолично принимать политические решения: «Если оно уйдет в отставку и передаст власть Совету рабочих и солдатских депутатов, мы ввергнемся в бездну и хаос! Мне временами кажется, что Россия обратилась в грандиозный сумасшедший дом, в необъятных размеров

Бедлам, или, может быть, я теряю рассудок» [Богословский 2011, с. 346].

Эмоциональный окрас и тон высказываний М.М. Богословского на страницах дневника меняется в зависимости от двух условий. Во-первых, от времени, если в 1915 и 1916 гг. прослеживается минимальная надежда на то, что ситуация изменится к лучшему, то в 1917 г. историк не раз констатирует неизбежность массовых беспорядков и волнений и выражает свое крайне негативное отношение ко всем происходящим событиям. В 1919 г. в записях М.М. Богословского прослеживаются упадническое настроение и состояние безысходности «уставшего» человека. Во-вторых, стилистика и характер формулируемых образов во многом зависят от субъективного отношения автора к данной социальной группе. Если по отношению к крестьянам и рабочим М.М. Богословский был достаточно сдержан и во многом даже оправдывал их положения и действия, то по отношению к солдатам как ярким представителям «русского народа» практически все его высказывания остаются максимально резкими.

Социокультурный образ и внешний облик солдат в представлениях историка

Образ солдат, сформулированный М.М. Богословским, остается неоднозначным, с одной стороны, солдат и крестьянин для историка – это представители «русского народа», более того, это могли быть они и те же люди в разные моменты времени, но, с другой стороны, позиция солдат отлична тем, что они начиная с 1914 г. ведут активные боевые действия на фронтах Первой мировой войны и обязаны защищать интересы государства, однако солдаты все чаще дезертируют. Заметим, что военные действия, по мнению историка, приносят финансовый доход почти всем социальным группам. В январе 1916 г. историк пишет о том, что военные действия приносят доходы крестьянам в форме пайков семьям солдат и повышенной заработной платы, офицеры и рабочие оборонных предприятий также получают повышенные жалования, купцы выигрывают за счет перепродажи военных товаров. Без финансовой выгоды остаются только две социальные группы – чиновники и интеллигенция [Богословский 2011, с. 128]. Однако позиция государства на фронтах с каждым годом становится все более сложной, и во многом М.М. Богословский винит в этом солдат. Историк выделяет несколько черт, характеризующих образ «типичного солдата». Основными характеристиками этого социального слоя в 1917 г. для историка является неприятный, неопрятный внешний вид, лень и часто аморальное поведение по отношению к офицерству и окружающим. Отсюда оценка действий солдат со стороны историка остается, как правило, негативной.

В революционной ситуации 1917 г. Богословский не раз обращает внимание на то, что на улицах много солдат, которые ходят «толпами»

и с оружием. При этом многие солдаты ходят с «красными бантиками» в петлице. Основная масса этих солдат являлась дезертирами. М.М. Богословский пишет об общей деморализации армии: «Солдаты переполняют поезда, врываются в вагоны без билетов, чинят насилия над железнодорожными служащими <...> Разве это армия? Это просто толпы крестьян в серых шинелях, разбегающиеся домой на праздники» [Богословский 2011, с. 335].

В апреле автор возвращается к теме солдатских беспорядков: «В поезд влезает их человек по 500–600, бьют железнодорожных служащих, сами распоряжаются движением поездов <...> Грустно» [Богословский 2011, с. 337]. Это рефлексия М.М. Богословского по поводу воззвания Временного правительства «Солдаты!» <...> насилие, совершаемое над железнодорожными служащими, будет насилие над вашими товарищами, находящимися в окопах, а нарушение железнодорожных правил окажется покушением на нарушение целостности нашего фронта» [Воззвание временного правительства к солдатам 1917, с. 5]. М.М. Богословский считал, что подобного рода обращения министров в сложившейся ситуации бессмысленны.

Историк отмечает, что государство благодаря действиям солдат, а точнее, Совета рабочих и солдатских депутатов, которые однажды историк назвал «Советами невежд и псевдонимов» [Богословский 2011, с. 375], все больше превращается в «говорильню», при этом солдаты «не хотят» выполнять свои обязанности. М.М. Богословский описывает ситуацию, которая сложилась в мае 1917 года. Войска московского гарнизона должны были выехать в летние лагеря для подготовки рот пополнения. Однако полковые и ротные комитеты высказались против, аргументируя это решение тем, что в лагерях нет одеял и матрацев, а также нет возможности вести культурно-просветительскую работу. Историк высказал крайне негативное отношение к сложившейся ситуации: «Московские солдаты не хотят выходить в лагерь, ссылаясь на то, что там они будут лишены возможности “вести культурно-просветительскую работу”. Как будто государство держит их, кормит, поит, одевает и обувает не для военного дела, а для культурно-просветительской работы! Идут дебаты по этому вопросу в ротных и прочих комитетах и в Совете солдатских депутатов – и это называется “армия”!» [Богословский 2011, с. 357].

В июне М.М. Богословский вновь возвращается к образу солдат и красочно описывает внешний вид и поведение «распущенной солдатчины» [Богословский 2011, с. 416]. Важно, что в этой оценке отражается отношение автора к этому социальному слою: «Село много солдат, крайне грязно одеты. Некоторые вызывающе нагло держат себя перед офицерами. Непременно надо подойти к офицеру не иначе, как с папироской в зубах, заложив руки в карманы. Чести, разумеется, никто уже не отдает» [Богословский 2011, с. 370]. В августе М.М. Богословский дает еще более резкую харак-

теристику солдатам и при этом красочно (но субъективно) описывает их внешний образ: «В Рыбинске на пристанях и на набережной масса поражающих грязным и неряшливым видом оборванцев-солдат, в защитных рубахах без погон, стоят без дела и грызут подсолнухи, необыкновенно тупо смотря на окружающее <...> И эта рвань – наша армия! Куда же ей сражаться с обученными и вымуштрованными немцами? Это тунеядцы, бездельничающие по целым дням, на которых жалко смотреть <...> Я думаю, что даже турецкая армия теперь более обучена, занята и более военного вида, чем этот паскудный сброд» [Богословский 2011, с. 399].

Упадок дисциплины в армии, по мнению М.М. Богословского, становится результатом деятельности революционно настроенных политических групп: «Декларация прав солдата, уничтожение дисциплины, развал армии, не так еще давно показывавшей чудеса храбрости <...> уход наиболее видных и талантливых вождей <...> Вот к чему привела ваша деятельность, создатели “самоуправления армии”» [Богословский 2011, с. 387].

Социокультурный образ интеллигенции

Крестьяне, рабочие и солдаты составляют основу русского общества, если социокультурную модель рассматривать в образе «казармы», то перечисленные социальные группы располагаются на первом этаже этого сооружения, на втором этаже находится интеллигенция. Согласимся, что на одном уровне с интеллигенцией находятся также буржуазия и дворянство. Однако в рамках дневниковых записей М.М. Богословский не дает отдельных сформулированных образов этих социальных групп. В социокультурном кризисе 1917 г. эти социальные группы во многом «размываются» и теряют свои яркие отличительные черты, ключевыми становятся политические и общественные взгляды представителей дворянства и буржуазии, но не их социальная принадлежность.

Отношение М.М. Богословского к интеллигенции как социальной группе очень неоднозначно. С одной стороны, он, будучи профессором Университета, историком, сам является ярким представителем этой группы. С другой стороны, М.М. Богословский старается дистанцироваться от этой социальной группы, обвиняя ее в том, что из-за неправильных непродуманных действий интеллигенции страна находится в крайне тяжелом положении. Характерными чертами этой социальной группы, по мнению историка, являются «верхоглядность и стадность» [Богословский 2011, с. 77]. М.М. Богословский не воспринимает интеллигенцию как целостную социальную группу, способную противостоять левым политическим силам. Причина отсутствия единения в среде интеллигенции, которую историк эмоционально называет «интеллигентщина» [Богословский 2011, с. 217], заключается в нигилистической основе ее мировоззрения: «Наша интеллигенция – всегда была нигилистической: не знала ни веры в Бога, ни патриотизма.

У нее не было ни одной из этих двух положительных сил. Теперь она и принуждена расплачиваться за атеизм и космополитизм; она оказалась дряблым, бессильным сбродом, который разлетается от разыгравшейся бури» [Богословский 2011, с. 389]. На страницах дневника М.М. Богословский вновь возвращается к мысли о том, что российское общество в целом не готово к революции, это относится к оценке и характера, структуры «русского народа», и элитарной части общества.

Еще одна проблема интеллигенции, по мнению М.М. Богословского, заключается в том, что она часто выступает незримым помощником радикально настроенных революционных политических сил. Именно в нерешительности интеллигенции как социальной группы заключается успех и популярность революционных сил, которые в условиях 1917 г., занимают новое положение в социокультурной модели общества. М.М. Богословский формулирует четкий образ «революционера» и, на наш взгляд, ставит его выше интеллигенции, то есть выводит на третий этаж социокультурной модели общества.

Революционеры как ключевая социальная категория в условиях 1917 года

Отношение М.М. Богословского к революционерам однозначно негативное, оно не меняется в течение времени, скорее, напротив, историк все больше убеждается в правоте своих мыслей и формулирует все более детальный портрет революционера. Это касается и внешнего образа, и оценки мировоззренческих и идейных взглядов.

Внешний образ революционера на страницах дневника практически не меняется, это, как правило, молодой человек «гносного вида с длинными космами в широкополой шляпе» [Богословский 2011, с. 354]. Мировоззренческие взгляды, по мнению историка, также не вызывают доверия. Основная претензия М.М. Богословского по отношению к революционерам заключается в том, что их политические взгляды очень поверхностные: «Наши верховоды играют теперь во французскую революцию XVIII в., о которой они кое-что почитали» [Богословский 2011, с. 399]. При этом революционеры, считает историк, не осознают неподготовленность народа к революции.

Сама революция как социокультурное событие, по мнению историка, может быть полезной, но при условии, что в процессе революционных событий изменения происходят к лучшему: «Революция – роскошь, которую могут позволить себе лишь развитые общества, не вчерашние рабы. <...> Революция 1917 г. плохой порядок, но все же порядок, сменила беспорядком и развалом и потому может быть для нас губительна» [Богословский 2011, с. 358]. М.М. Богословский плохо ориентировался в политических силах. Так, 18 июля, критикуя узость и в некоторой степени ограниченность политических и исторических взглядов социалистов, М.М. Богословский называет лидера меньшевиков Ю.О. Мартова «большевик-писака» [Богословский 2011, с. 388]. Однако это не поме-

шало ему сформулировать обобщенный и очень эмоциональный образ революционеров как отдельной социальной группы. «В головах той шайки, которая ими (Советами рабочих и солдатских депутатов. – А.С.) руководит, одни узенькие теории, у иных даже простых шаблонов и никакого практического смысла, никакой способности видеть действительность. Просидев много лет в подполье, где они учились по плохоньким переводам с немецких брошюр, они разучились присматриваться к настоящему миру Божьему и его понимать» [Богословский 2011, с. 388]. Ключевым, на наш взгляд, является то, что М.М. Богословский рассматривает общество с различных позиций, и в контексте настоящего времени, и в контексте истории. Профессиональные взгляды позволили ему включить революционеров как отдельную социальную группу в общую социокультурную структуру и, более того, задаться вопросом о дальнейших изменениях, которые могут произойти с этой социальной группой. Историк ставит вопрос о будущей судьбе революционеров как важного социального элемента общества: «Есть люди, для которых революционная деятельность была приятна своею таинственностью и опасностью. Как же они теперь будут себя чувствовать? Чем займутся, раз уже ни подпольной, ни опасной деятельности не будет? А между тем этот род людей едва ли сразу исчезнет; он нарождался столетием» [Богословский 2011, с. 333].

Монархия – венец социальной структуры общества

Вершиной социальной структуры общества, или «крышей казармы», является монархия. Отношение к монархам и лично к Николаю II у М.М. Богословского такое же неоднозначное, как и к остальным социальным группам. Однако если революционеров историк готов, скорее всего, обвинять во многих ситуациях, то императорскую семью и монархию как политический режим М.М. Богословский скорее оправдывает, отмечая при этом отдельные недостатки. Историк в дневниковых записях позволяет себе быть откровенным и эмоциональным, что дает ему возможность формулировать очень яркие образы. На страницах дневника М.М. Богословский пишет о монархии в контексте революции 1917 г. как о живом существе, именно поэтому 4 марта он позволяет себе говорить о «смерти» монархии, а не о ее «свержении» или «ликвидации»: «Итак, монархия Божию милостью у нас кончилась, точно умерла; <...> неотвзвизивая тяжелая дума о будущем России все время владела мною и давила меня. Чувствовалось, что что-то давнее, историческое, крупное, умерло безвозвратно» [Богословский 2011, с. 319].

Историк считал, что монархия как политический режим должна была преследовать одну цель – создание целостного общества, не раздраемого внутренними противостояниями. Однако российская монархия не достигла поставленной цели. «Монархия в России не доделала своего, может быть, жестокого и неблагодарного, но не-

обходимого дела <...> Она не закончила еще слияния частей России в одно национальное целое. Части эти только и держались монархом, а когда его не стало – они начали разваливаться» [Богословский 2011, с. 395]. М.М. Богословский приходит к этим выводам, основываясь на анализе и сравнении революционной ситуации в России в 1917 г. и во Франции накануне революции. Понимая и принимая отдельные недостатки монархии, М.М. Богословский постоянно делает акцент на прямой взаимосвязи между монархом и народом. Если монарх – это «крыша» казармы, то «народ» является ее фундаментом. По мнению М.М. Богословского, русский народ глубоко монархичен, именно в этом проявляется его прямая и прочная связь с монархией. Более того, в монархичности народа заложена основа русской культуры. Соответственно, при разрыве связи между монархом и народом теряются практически все установленные социокультурные связи.

Это находит отражение в действиях отдельных социальных групп. Если крестьяне и рабочие уходят в преступную деятельность, то представители партий ведут активную «борьбу с властью» [Богословский 2011, с. 278]. Все это приводит к общей ситуации беспорядка и безвластия. При этом сам факт общественного беспорядка кажется историку вполне естественным состоянием. Он убежден, что монархия и народ не только взаимосвязаны, они еще и управляют друг другом, именно поэтому, не раз останавливаясь на недостатках российского общества, историк в 1915 г. формулирует мысль, характеризующую его отношение и народу, и к монархии. Историк отмечает: «Каждый народ достоин своего управления. <...> А все наша безалаберщина! У нас нет двух семей, которые бы обедали и ужинали в одно и то же время, у всех все по-своему и в полном беспорядке. Что же удивительного, что и управление у нас такое же, как мы сами! Ведь оно из нас же самих пополняется» [Богословский 2011, с. 60].

Еще одной ключевой характеристикой монархии является ее надпартийность. Монархия как политический режим и как один из основных элементов общественного мировоззрения находится над государством и над политическими партиями и группировками: «То, что она может беспристрастно выситься над партиями и взирать только на государство как единое общее, – есть ценное свойство монархии» [Богословский 2011, с. 391]. Общественная убежденность в божественном происхождении монархической власти ставит ее вне политической системы общества и делает, с одной стороны, непогрешимой, с другой стороны, недостижимой для отдельных партийных структур. Основная претензия, которую М.М. Богословский предъявляет всем активно действующим политическим партиям, включая и либеральное крыло, заключается в том, что они лишили народ символа власти в лице императора и не представили другого, нового символа: «Грустное и воз-

мутительное зрелище: погромы помещичьих имений и фабрик, но ведь вы же сами, господа родзянки, трубецкие, болконские, коноваловы, рябушинские и прочие, содействовали им, сведя с престола символ права и не сумев заменить его другим символом, необходимым для темного народа» [Богословский 2011, с. 444]. Отсюда, по мнению историка, тот социокультурный и политический кризис, который мы наблюдаем в 1917 году.

Заключение

На страницах дневника М.М. Богословского постепенно формулируется и с каждой следующей записью все более детализируется социальная модель общества, актуальная для 1917 г. Основу этой модели составляет «русский народ», включающий в себя крестьян, рабочих и солдат. Это самый архаичный по характеру социальный блок, он создает основу российского общества и в то же время является связующим звеном с прошлым страны, его историей и культурой. На следующем уровне находится интеллигенция, которая, с одной стороны, также является хранительницей культурных ценностей. Именно они сохраняют традиции и преемственность научных школ. С другой стороны, в актуальном общественно-политическом контексте интеллигенция в силу своей разобщенности и потери авторитета у «народа» не становится устойчивым «противовесом» для радикально настроенных революционных групп. На третьем уровне социальной структуры располагаются революционеры. Это обобщенная социальная группа, включающая в себя политически активных представителей и интеллигенции, и пролетариата, и армии. Ключевой отличительной чертой этой группы, по мнению М.М. Богословского, является поверхностность политических взглядов и недальновидность, то есть отсутствие способности «видеть» политические процессы в историческом контексте. Вершиной социальной структуры общества, по мнению М.М. Богословского, остается монархия. Причем монархия в России – это не столько политический режим, сколько системообразующий элемент культуры и общественного сознания. Представители династии Романовых в различные периоды истории принимали как удачные, так и неудачные политические решения. И М.М. Богословский как историк стремится к объективности при анализе политических решений прошлого. Он признает, что в начале XX в. российская монархия совершила множество ошибок, но были и удачные решения, например введение винной монополии. Все это не позволяет М.М. Богословскому в революционном контексте 1917 г. рассматривать монархию как политический институт прошлого. Историк считает, что при всех недостатках российская монархия – это единственный политический институт, который стоит над всеми политическими партиями и объединениями, и именно в этом заключается его ценность.

Монархия, являясь «венцом» социальной структуры общества, скрепляет ее и противосто-

ит внутренним социальным конфликтам. Однако при ликвидации монархии социальная структура общества распадается на множество отдельных элементов, неспособных органично взаимодействовать между собой, что историк и наблюдает в 1917 году.

Библиографический список

Богословский 1987 – *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная: (Научное наследие) / сост. Л.А. Черная; отв. ред. А.И. Клибанов. М.: Наука, 1987. 214 с. URL: <http://www.arran.ru/bookreader/publication.php?guid=93AA4D1E-3085-548E-625F-5E82241267AF&ida=1&kod=9#page/1/mode/1up>.

Богословский 2011 – *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Время, 2011. 800 с. URL: <http://russiahistory.ru/download/library/memuaryx-vospominaniya/bogoslovskij-m.-dnevniki-1913-1919.pdf>.

Воззвание временного правительства к солдатам 1917 – *Воззвание временного правительства к солдатам // Русские ведомости.* 1917. № 74. С. 5. URL: <http://www.illuminate.ru/home/29-new/4664-peasant-movement>.

Иванов 2012 – *Иванов А.Е.* Михаил Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного исторического музея // Отечественные архивы. 2012. № 4. С. 109–111. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17833189>.

Кабытов, Баринава 2018 – *Кабытов П.С., Баринава Е.П.* Драматическая рефлексия М. М. Богословского // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 4. С. 1217–1230. DOI: 10.15826/qr.2018.4.356.

Кабытов, Баринава, Оренбург 2018 – *Кабытов П.С., Баринава Е.П.* Повседневная жизнь историка М.М. Богословского в годы Первой мировой войны (1915–1916 гг.) // Региональные модернизации Российской империи в XIX–XX вв.). Урал. Сибирь. Казахстан: междунар. науч. конф. Оренбург: ОГУ, 2018. С. 32–35.

Кабытов, Баринава 2019 – *Кабытов П.С., Баринава Е.П.* Геополитические «страдания» М.М. Богословского // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. СПб. 2019. С. 269–275. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37533066>.

Кизеветтер 1917 – *Кизеветтер А.А.* К возвращению А.Э. Вормса в университет // Русские ведомости. 1917. № 18. С. 5–6

Мельников 2005 – *Мельников А.В.* К истории рукописи труда академика М.М. Богословского «Петр Великий: материалы для биографии»: предварительные археографические наблюдения // Богословский М.М. Петр Великий: материалы для биографии: в 6 т. / отв. ред. А.В. Мельников, С.О. Шмидт. М.: Наука, 2005. Т. 1. С. 432–477. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29852079>.

Мельников 2001 – *Мельников А.В.* М.М. Богословский в воспоминаниях современников // Археографический ежегодник за 2000 год. М.: Наука, 2001. С. 280–300. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29844996>.

Мельников 2004 – *Мельников А.В., Шмидт С.О.* Мастера русской историографии: Михаил Михайлович Богословский (1867–1929) // Исторический архив.

2004. № 2. С. 119–134. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11911771>.

Неберекутина, Сафронова 2001 – *Неберекутина Е.В., Сафронова Т.В.* Дневник М.М. Богословского // Археографический ежегодник за 2000 год. М.: Наука, 2001. С. 271–279.

Неберекутина, Сафронова 2009 – *Неберекутина Е.В., Сафронова Т.В.* Из дневника академика М.М. Богословского // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 91–111.

Слезкин 2019 – *Слезкин Ю.Л.* Дом правительства. Сага о русской революции. М.: Corpus, 2019. 976 с. URL: <http://e-libra.ru/read/581418-dom-pravitel-stva-saga-orusskoj-revoljucii.html>.

Список печатных трудов М.М. Богословского 2000 – *Список печатных трудов академика М.М. Богословского* (подготовил А.В. Мельников) // Археографический ежегодник за 1999 г. М.: Наука, 2000. С. 320–335. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29845003>.

Халина 2001 – *Халина Т.И.* Богословский Михаил Михайлович // Историки России: Биографии / отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 426–433.

Халина 1996 – *Халина Т.И.* В науке приятно быть и простым чернорабочим: Михаил Михайлович Богословский // Историки России: XVIII – начало XX века / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Скрипторий, 1996. С. 658–685.

Черепнин 1917 – *Черепнин Л.В.* Академик М.М. Богословский // Исторические записки. 1974. Т. 93. С. 223–271.

Шмидт 2005 – *Шмидт С.О.* Многотомное исследование академика М.М. Богословского «Петр Великий: материалы для биографии» // Богословский М.М. Петр Великий: материалы для биографии: в 6 т. / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2005. Т. 1. С. 414–431. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002684136.

Шмидт 2011 а – *Шмидт С.О.* Образ истории в дневнике московского историка М.М. Богословского (1915–1917 гг.) // Достоинство историка / отв. ред. В.А. Тишков; сост. В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2011 а. С. 64–79.

Шмидт 2011 б – *Шмидт С.О.* Дневник московского историка и его особенности // Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Время, 2011 б. С. 5–52. URL: <http://russiahistory.ru/download/library/memuaryx-vospominaniya/bogoslovskij-m.-dnevniki-1913-1919.pdf>.

References

Bogoslovsky 1987 – *Bogoslovsky M.M.* Istoriografiya, memuaristika, epistolariya: (Nauchnoe nasledie). Sost. L.A. Chernaya; otv. red. A.I. Klivanov [Historiography, memoiristics, epistolary: (Scientific heritage). Compiler L.A. Chernaya; A.I. Klivanov (Ed.)]. M.: Nauka, 1987, 214 p. Available at: <http://www.arran.ru/bookreader/publication.php?guid=93AA4D1E-3085-548E-625F-5E82241267AF&ida=1&kod=9#page/1/mode/1up> [in Russian].

Bogoslovsky 2011 – *Bogoslovsky M.M.* Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Otv. red. S.O. Schmidt [Diaries (1913–1919): From the collection of the State Historical Museum. S.O. Schmidt (Ed.)]. M.: Vremya, 2011, 800 p. Available at: <http://russiahistory.ru>.

- ru/download/library/memuaryx-vospominaniya/bogoslovskij-m.-dnevniki-1913-1919.pdf [in Russian].
- Vozzvanie vremennogo pravitel'stva k soldatam 1917 – *Vozzvanie vremennogo pravitel'stva k soldatam* [Interim government appeal to soldiers]. *Russkie vedomosti* [Russian Gazette], 1917, no. 74, p. 5. Available at: <http://www.illuminats.ru/home/29-new/4664-peasant-movement> [in Russian].
- Ivanov 2012 – *Ivanov A.Ye. Mikhail Bogoslovskii. Dnevnik. 1913–1919: Iz sobraniya gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Mikhail Bogoslovsky. Diaries. 1913–1919: From the collection of the State Historical Museum]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic archives], 2012, no. 4, pp. 109–111. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17833189> [in Russian].
- Kabytov, Barinova 2018 – *Kabytov P.S., Barinova E.P. Dramaticheskaya refleksiya M.M. Bogoslovskogo* [M.M. Bogoslovsky's Dramatic Reflection]. *Quaestio Rossica*, 2018, Vol. 6, no. 4, pp. 1217–1230. DOI: 10.15826/qr.2018.4.356 [in Russian].
- Kabytov, Barinova, Orenburg 2018 – *Kabytov P.S., Barinova E.P. Povsednevnyaya zhizn' istorika M.M. Bogoslovskogo v gody Pervoi mirovoi voyny (1915–1916 gg.)* [Daily life of historian M. M. Bogoslovsky during the First World War (1915–1916)]. In: *Regional'nye modernizatsii Rossiiskoi imperii v XIX–XX vv.: Ural. Sibir'. Kazakhstan: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* [Regional modernization of the Russian Empire in the XIX–XX centuries: Ural. Siberia. Kazakhstan: international research conference]. Orenburg: OGU, 2018, pp. 32–35 [in Russian].
- Kabytov, Barinova 2019 – *Kabytov P.S., Barinova E.P. Geopoliticheskie «stradaniya» M.M. Bogoslovskogo* [Geopolitical «sufferings» of M.M. Bogoslovsky]. In: *Prirодно-geograficheskie faktory v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Natural and geographical factors in everyday life of the population of Russia: history and modernity. Proceedings of the international scientific conference]. SPb., 2019, pp. 269–275. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37533066> [in Russian].
- Kizevetter 1917 – *Kizevetter A.A. K vozvrashcheniyu A.E. Vormsa v universitet* [To the return of A.E. Worms to the university]. *Russkie vedomosti* [Russian Gazette], 1917, no. 18, pp. 5–6 [in Russian].
- Mel'nikov 2005 – *Mel'nikov A.V. K istorii rukopisi truda akademika M.M. Bogoslovskogo «Petr Velikii: materialy dlya biografii»: predvaritel'nye arkhograficheskie nablyudeniya* [On the history of the manuscript of work of academician M.M. Bogoslovsky «Peter the Great: materials for biography»: preliminary archaeological observations]. In: *Bogoslovsky M.M. Petr Velikii: materialy dlya biografii: v 6 t. Otv. red. A.V. Mel'nikov, S.O. Shmidt* [Peter the Great: Materials for biography: in 6 vols. A.V. Melnikov, S.O. Schmidt (Eds.)]. M.: Nauka, 2005, vol. 1, pp. 432–477. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29852079> [in Russian].
- Mel'nikov 2001 – *Mel'nikov A.V. M.M. Bogoslovskii v vospominaniyakh sovremennikov* [M.M. Bogoslovsky in the memoirs of contemporaries]. In: *Arkheograficheskie ezhegodnik za 2000 god* [Archaeographic Yearbook during the year 2000]. M.: Nauka, 2001, pp. 280–300. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29844996> [in Russian].
- Mel'nikov 2004 – *Mel'nikov A.V., Shmidt S.O. Mastera russkoi istoriografii: Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii (1867–1929)* [Masters of Russian historiography: Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky (1867–1929)]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], 2004, no. 2, pp. 119–134. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11911771> [in Russian].
- Neberekutina, Safronova 2001 – *Neberekutina Ye.V., Safronova T.V. Dnevnik M.M. Bogoslovskogo* [Diary of M.M. Bogoslovsky]. In: *Arkheograficheskie ezhegodnik za 2000 god* [Archaeographic Yearbook during the year 2000]. M.: Nauka, 2001, pp. 271–279 [in Russian].
- Neberekutina, Safronova 2009 – *Neberekutina Ye.V., Safronova T.V. Iz dnevnika akademika M.M. Bogoslovskogo* [From the diary of the academician M.M. Bogoslovsky]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2009, no. 2, pp. 91–111.
- Slezkin 2019 – *Slezkin Yu.L. Dom pravitel'stva. Saga o russkoi revolyutsii* [Government House. The saga of the Russian revolution]. M.: Corpus, 2019, 976 p. Available at: <http://e-libra.su/read/581418-dom-pravitel-stva-saga-orusskoy-revolyuicii.html> [in Russian].
- Spisok pechatnykh trudov M.M. Bogoslovskogo 2000 – *Spisok pechatnykh trudov akademika M.M. Bogoslovskogo (podgotovil A.V. Mel'nikov)* [List of printed works of academician M.M. Bogoslovsky (prepared by A.V. Melnikov)]. In: *Arkheograficheskie ezhegodnik za 1999 g.* [Archaeographic Yearbook during the year 1999]. M.: Nauka, 2000, pp. 320–335. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29845003> [in Russian].
- Khalina 2001 – *Khalina T.I. Bogoslovskii Mikhail Mikhailovich* [Bogoslovsky Mikhail Mikhailovich]. In: *Istoriki Rossii: Biografii. Otv. red. A. A. Chernobaev* [Historians of Russia: Biographies. A.A. Chernobaev (Ed.)]. M.: ROSSPEN, 2001, pp. 426–433 [in Russian].
- Khalina 1996 – *Khalina T.I. V nauke priyatno byt' i prostym chernorabochim: Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii* [It's nice to be a simple laborer in science: Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky]. In: *Istoriki Rossii: XVIII – nachalo XX veka. Otv. red. A.N. Sakharov* [Historians of Russia: XVIII – beginning of the XX century. A.N. Sakharov (Ed.)]. M.: Skriptorii, 1996, pp. 658–685 [in Russian].
- Cherepnin 1917 – *Cherepnin L.V. Akademik M.M. Bogoslovskii* [Academician M.M. Bogoslovsky]. *Istoricheskii zapiski*, 1974, Vol. 93, pp. 223–271 [in Russian].
- Schmidt 2005 – *Schmidt S.O. Mnogotomnoe issledovanie akademika M.M. Bogoslovskogo «Petr Velikii: materialy dlya biografii»* [Multivolume study by the academician M.M. Bogoslovsky «Peter the Great: materials for biography»]. In: *Bogoslovsky M.M. Petr Velikii: materialy dlya biografii: v 6 t. Otv. red. S.O. Schmidt* [Peter the Great: Materials for biography: in 6 vols. S.O. Schmidt (Ed.)]. M.: Nauka, 2005, Vol. 1, pp. 414–431. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002684136 [in Russian].
- Schmidt 2011 a – *Schmidt S.O. Obraz istorii v dnevnike moskovskogo istorika M.M. Bogoslovskogo (1915–1917 gg.)* [The image of history in the diary of the Moscow historian M.M. Bogoslovsky (1915–1917)]. In: *Dostoinstvo istorika. Otv. red. V.A. Tishkov; sost. V.B. Zhiromskaya* [Dignity of the historian. V.A. Tishkov (Ed.); compiler V.B. Zhiromskaya]. M.: ROSSPEN, 2011 a, pp. 64–79. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21236829> [in Russian].
- Schmidt 2011 b – *Schmidt S.O. Dnevnik moskovskogo istorika i ego osobennosti* [Diary of a Moscow historian and its peculiarities]. In: *Bogoslovsky M.M. Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Otv. red. S.O. Schmidt* [Diaries (1913–1919): From the collection of the State Historical Museum. S.O. Schmidt (Ed.)]. M.: Vremya, 2011 b, pp. 5–52. Available at: <http://russiahistory.ru/download/library/memuaryx-vospominaniya/bogoslovskij-m.-dnevniki-1913-1919.pdf> [in Russian].